

Ольга Яценко (Байрд)

За помощь в переводах французских текстов благодарю петербургского филолога К.Сергейчева.

Графиня дю Монте: судьба одной женщины в эпоху Французской революции

Отправной точкой для этого исследования стало одно из музыкальных сочинений австрийского композитора и виртуоза-исполнителя Йозефа Вёльфля (1773-1812) - «Trois Sonates pour le Forte Piano, composées et dédiées a Madame la Comtesse de Borosdin par Joseph Woelfl. Oeuvre 28». Тот факт, что адресатом сонат стала дама с русским именем, привлекает внимание и удивляет – ведь не только сам Йозеф Вёльфль никогда не бывал в России, но нам неизвестна и «графиня де Бороздина», хотя Бороздины, никогда, впрочем, не имевшие графского титула, занимают довольно заметное место в русской истории XVIII-XIX веков.

Братья Андрей (1765-1838), Михаил (1767-1837) и Николай (1777-1830) Бороздины были детьми Михаила Саввича Бороздина (1740-1796), участника Семилетней войны и русско-турецких войн эпохи Екатерины II, генерал-поручика. Старший, Андрей Михайлович, вошел в историю как губернатор Тавриды, а Михаил и Николай – как участники и герои Отечественной войны 1812 года. Бороздины были свойственниками семьи Раевских – около 1801 года Андрей Михайлович женился на Софье Львовне Давыдовой, единоутробной сестре генерала Николая Николаевича Раевского (1771-1829).

Раевские и Бороздины были достаточно близки, и это во втором томе «Архива Раевских», вышедшем в 1909 году, было приведено письмо М.М.Бороздина – М.М.Муромцову от 30 августа 1837 года, в примечаниях к которому Б.Л.Модзалевский упомянул, что в 1794 году Михаил Михайлович Бороздин женился первым браком на французской графине Guillin du Montau [так!], вдове, имевшей двух дочерей.¹

Биография М.М.Бороздина в отечественной историографии изучена неровно и фрагментарно. Подробно зафиксировано его участие в Отечественной войне, когда он был уже военачальником, генерал-лейтенантом, и большое внимание уделено его дочери от второго брака, Анне Михайловне, ставшей в 1839 году женой Николая Николаевича Раевского-младшего (1801-1843). А вот о его молодости известно очень мало, и кажется, что его первый брак ускользнул от внимания отечественных исследователей. В скудных русских документальных источниках, так же как и в более многочисленных французских,² имя его первой жены, французской графини, появляется как Adelaide Fradet d'Orly, Adele Dorli, Guillin du Montet, Dumontet, du Montay и даже du Montel. Б.Л.Модзалевский тоже привел имя с ошибкой. Он не указал источника своих сведений, но годом раньше, в апреле 1908 года, витебский историк и краевед В.С.Арсеньев сообщал: «*Атташе Французского посольства в С.-Петербурге г. Roger Anginieur обратился ко мне с просьбою навести в России справки о существовании потомства вышедшей замуж в России девицы Гиллен-дю-Монте*».³ Действительно, французский дипломат François Marie Charles Roger Anginieur (1879-1967) исполнял обязанности атташе французского посольства в Петербурге с февраля 1807 до середины 1908 года.⁴ Вероятно, именно в это время он и познакомился с Василием Сергеевичем Арсеньевым (1883-1948), выпускником Императорского Александровского Лицея, который с 1906 года служил в МИДе, а с марта 1908 года был советником Витебского губернского правления.⁵ Поэтому полагаем, что его просьба и розыски по ней стали в это время предметом частных обсуждений среди исследователей.

В.С.Арсеньеву удалось узнать, что «*в 1791 году, по данным труда «Zédé. Généologie [так!] des Diruy de Lômé*»⁶, погиб во время революции владелец имения Poleymieux близ Лиона Guillin du Montet; его вдова, рожденная Fradet d'Orly, после долгих скитаний достигла двора императрицы Екатерины, которая сделала ее своею статс-дамою (?) и, пожаловав имение приволжское с 500 душами, выдала вскоре замуж за капитана (ставшего затем генералом) Бороздина; от этого брака было двое детей, умерших в младенчестве, сама госпожа Бороздина также скоро затем умерла. По имеющимся данным, г-жа Бороздина из Франции привезла с собою в Россию двух дочерей от первого брака... ».⁷ Часть этих сведений не вполне верна, но корректируется имеющимися документами, хотя и русские, и французские источники,

как исторические, так и новейшие генеалогические разыскания, чрезвычайно противоречивы и не сопоставлены друг с другом.

До французских историков тоже дошло известие о замужестве Жанны-Аделаиды в России. В 1836 году в «Revue du Lyonnais» было сказано, что в России *«ее несчастья и достоинства ее персоны скоро доставили ей супруга»*. К сожалению, данных о супруге французский историк не нашел и ошибочно назвал его *«русским вельможей из семьи знаменитого графа Ростопчина»*.⁸ Эти сведения перешли в некоторые другие публикации: в 1911 году историк Французской революции Антонин Порталье (1849-1927) в своем основном труде «Tableau général des victimes & martyrs de la Révolution, en Lyonnais, Forez et Beaujolais» назвал мужа *«графом Бороздиным из семьи Ростопчина»*.⁹ Эта же ошибка повторяется в, пожалуй, наиболее содержательном источнике – маленькой семистраничной брошюре лионского историка Метью Варийе «Une lyonnaise en Russie pendant la Revolution Francaise. Adele Dorli, comtesse de Guillin-Dumontet» (Lyon, 1923). В ней процитирован ряд писем и других документов, которые, по словам автора, *«являются выдержками из манускрипта объемом в 23 страницы, 215x330, изначально из библиотеки Yemeniz,¹⁰ который теперь находится в моем распоряжении. Он написан прекрасным почерком, и, без сомнения, был создан в 1799-1800 годах безымянным другом семьи Гиллен в форме мемуара, адресованного некоему русскому, имя которого не названо, но который поддерживал мадам Гиллен в ее изгнании»*.¹¹ К сожалению, не все данные, а особенно даты, приведенные автором, согласуются с имеющимися документами. Это говорит о том, что «безымянный друг» создавал свою запись по памяти и со слов других людей, спустя какое-то время после описываемых событий. Лионский археолог и историк Амабль Одэн (Amable Audin, 1899-1990), автор брошюры «La conspiration lyonnaise de 1790 et le drame de Poleymeux» (Lyon, 1984), в большой степени базирующейся на вышеназванных источниках, считал, что автором манускрипта является племянник Жанны-Аделаиды: *«По счастливой случайности Аделаида Гиллен нашла биографа в лице своего племянника, и я обязан дружбе г-на М.Варийе тем, что смог воспользоваться этой драгоценной рукописью»*.¹² Нынешнее местонахождение манускрипта неизвестно.

В целом, пользуясь источниками с осторожностью и всегда сопоставляя их друг с другом, можно с уверенностью установить основные детали: графиня Гиллен дю Монте (Guillin du Montet), урожденная Jeanne-Adélaïde Fradet d'Orly, родилась в 1767 году в Версале.¹³ Около 1783 года она вышла замуж за моряка, искателя приключений Мари-Эме Гиллена дю Монте (Marie-Aimée Guillin du Montet, 1730-1791). Ее супруг провел бурную молодость: подростком он ушел в море, плавал на кораблях Вест-Индской Компании; был губернатором острова Сент-Винсент и гражданским губернатором Сенегала, где составил состояние работорговлей. Вернувшись во Францию, он купил поместье Полемьё (Polemieux) в окрестностях своего родного Лиона и женился на Жанне-Аделаиде, бывшей почти на 40 лет младше его. Несмотря на огромную разницу в возрасте, кажется, что их семейная жизнь устроилась достаточно хорошо: в архивах Роны зарегистрировано крещение трех их дочерей: Aimée-Marie-Antoinette-Adélaïde-Cécille крещена 22 ноября 1785 года (умерла в младенчестве), Aimée-Adélaïde – 20 апреля 1787 года, и Agathe-Henriette-Cloudine-Prudence - 5 марта 1790 года.¹⁴ Да и дальнейшие события тоже показали, что Жанна-Аделаида была привязана к своему мужу и любила его.

По отношению к своим крестьянам Мари-Эме Гиллен дю Монте проявил себя высокомерным и жестоким феодальным сеньором, чем и вызвал их неприязнь и даже ненависть. Революционеры имели основания подозревать его в контрреволюционной деятельности, так как его родной брат, Антуан Гиллен дю Монте де Пужлон (Antoine Guillin du Montet de Rougelon) был роялистом и участником контрреволюционного заговора, арестованным в декабре 1790 года. Подозрения особенно усилились в дни бегства короля в Варенн. 26 июня 1791 года замок был осажден крестьянами и национальной гвардией, желавшими обыскать замок в поисках оружия. Произошел обмен выстрелами, и несколько человек в толпе было ранено, что настроило её еще более враждебно. При этом Жанна-Аделаида проявила мужество и силу воли, которые были отмечены всеми историками этого события: стараясь успокоить толпу, она вышла к ней вместе с маленькими дочерьми; она стала посредницей в переговорах между крестьянами и своим мужем, она добилась от мужа разрешения на «визит» в замок, а от осаждающих

- обещания воздержаться от насилия. На этом этапе ее взяли в заложницы, но отвели в безопасное место. Тем временем события набирали оборот: разъяренная толпа ворвалась во двор и подожгла замок. Мари-Эме был убит. Его тело было расчленено и голова насажена на пику. Более того, надругательство над его телом сопровождалось актом каннибализма,¹⁵ что и было самой ужасной и шокирующей деталью этого события. Вдова с детьми сумела покинуть замок, провела некоторое время в Лионе у своей невестки, жены Антуана Гиллена дю Монте де Пужлон, а потом отправилась в Париж. 13 августа она обратилась к Национальной Ассамблее с петицией. Полагаем, что в ту эпоху немало храбрости потребовалось от вдовы аристократа и золовки арестованного роялиста-заговорщика, чтобы потребовать справедливости и возмещения убытков. По словам современника, мадам дю Монте выступила перед Ассамблеей с грацией и достоинством, которые произвели сильное впечатление в ее пользу. Она представила шокирующие обстоятельства убийства своего мужа и требовала наказания убийц, возмещения убытков и освобождения арестованного деверя, Антуана Гиллена дю Монте де Пужлон, бывшего опекуном и воспитателем ее детей.¹⁶ Она изложила обстоятельства убийства мужа известному журналисту Жаку Малле дю Пэну, и 20 августа 1791 года статья, основанная на ее рассказе, появилась в «Mercure de France».¹⁷ Дело приобрело международный резонанс – убийство Гиллена и сопутствующие обстоятельства были упомянуты в «Варшавской газете».¹⁸ Второе слушание дела в Национальной Ассамблее состоялось 10 сентября 1791 года, но, так как она не видела своими глазами убийства мужа и акта каннибализма, эти факты были объявлены не имевшими место, и ей было отказано в ее просьбе.

М. Варийе приводит ее последнее обращение к Национальной Ассамблее: *«Господа, вы лишили меня единственного утешения, которое я могла бы получить, когда отказались освободить г-на Гиллена де Пужлон, моего деверя, наставника моих детей; мое отчаяние не позволяет мне войти в подробности ужасного преступления, которое замалчивает ваш комитет, чтобы не возмутить общественное спокойствие и избежать еще одного представления моего дела; у меня хватает сил только на то, чтобы сказать вам, что я сожалею о том, что умоляла вас о правосудии, от которого я полностью отказываюсь в том, что касается денежных притязаний; вероятно, для моих детей придут более счастливые дни, когда их родина, исполненная истинных принципов, предложит им возмещение за несчастья, которые она им причинила. Последняя просьба, с которой я к вам обращаюсь – это дать мне свободу*

удалиться под чужие небеса, где я найду утешение, в котором нельзя отказать преследуемой невинности, и я льщу себя надеждой, что вашим ответом будет приказ о срочной выдаче мне паспорта».¹⁹

Паспорт, действительно, был выдан. 26 июня 1792 года, в годовщину убийства мужа, она написала в городской совет Полемье письмо, которое тоже немало говорит о силе характера и незаурядной смелости Жанны-Аделаиды: *«Итак, кровожадные и жестокие люди, сегодня - годовщина того страшного дня, когда моё счастье было разрушено ужасным преступлением, в которое вас вовлекли ваши порочные души! Истекивший год только укрепил вашу склонность к злодеяниям. Но вы не представляете себе, что может засиять день, который положит конец вашему бесчестному разбою; вы не думаете, что некое существо, которое вы ввергнули в бедствия, поддерживает свое существование только благодаря желанию извлечь убедительное мщение из жестоких бед, от которых стенает его душа! ... Пусть покров спадет с ваших глаз: мгновение приближается, меч правосудия опустится на ваши головы! ... Вот почему, заранее наслаждаясь этим моментом, я вам об этом объявляю. В этот день вы научитесь понимать сердце супруги, которой вы причинили глубокие страдания! ... Вы увидите тогда жуткую пропасть, в которую вас ввергли пагубные советы презренного Брюне²⁰; вам и ему отомстится за меня; а я буду наслаждаться вашими бесполезными сожалениями, и я повторю вам вживую, что нельзя безнаказанно забывать то, чем мы обязаны Богу и королю!*

Вдова Дюмонте де Полемье»²¹

В начале 1792 года Жанна-Аделаида с дочерьми покинула Францию и направилась в Трир, где в то время уже находился ее свояк, Антуан дю Монте, освобожденный по амнистии несколькими месяцами раньше. Затем она провела некоторое время в Берлине, а затем перебралась в Голландию. По словам М. Варийе, *«кампания 1792 года и поражение союзников заставили ее покинуть Германию и направиться в Голландию или же у нее были там друзья, заинтересованные в ее судьбе».* Действительно, 18 января 1793 года она писала Камиллу Демулену из Утрехта: *«Сударь, это супруга несчастного Гиллена Дюмонте обращается к вам с благородным доверием, убежденная, что несчастная невинность, оставшаяся без поддержки, не может найти лучшего защитника. Если вы снова обратите взгляд на историю моих несчастий, вы поймете, насколько справедливые причины имела моя страдающая*

душа, чтобы покинуть страну, в которой не иссякали мои слезы. Я решилась на это после того, как безуспешно требовала отщепенца преступникам, чье злодейство лишило меня моего достойного супруга. Но я нашла жестоких существ, которые не краснели, предлагая мне денежные контрибуции в ответ на мои пылкие просьбы. От этой мысли я до сих пор леденею от ужаса. Я взываю ко всему миру. Была пролита кровь моего мужа: смогут ли деньги исцелить мои раны? Поскольку я не смогла добиться наказания его убийц, моя родина стала ненавистной для меня. Я направила свои стопы и свою боль под чужие небеса, где заинтересованность чувствительных душ и сладкое имя матери поддержали мое существование; именно этот титул заставляет меня просить Вас, сударь, соблаговолить проявить интерес ко мне. Будьте моим голосом, потребуйте справедливости, на которую я имею право, сообщите нынешнему правительству, что финансовое состояние моих детей полностью расстроено из-за потери их несчастного отца, поскольку его смерть оборвала выплату значительной пожизненной ренты. Пожар уничтожил долговое обязательство бывшей Ост-Индской компании больше чем на 400,000 франков. Моё имущество была разграблено или сожжено. Только земля остается мне и моим детям; к тому же пламя уничтожило здания. Я покинула мою родину только после того, как пережила все эти ужасы, и, вероятно, меня можно отнести к несчастным эмигрантам, обреченным на изгнание и полную потерю их состояния! Я не могу себе этого представить. Если моя боль, если мои неиссякаемые слезы, если ужас, который я испытываю перед страной, чья земля полита кровью моего супруга, являются преступлениями, то я постоянно буду виновной. Но даже самые жестокие народы с уважением относятся к подобным мольбам. Я не могу поверить, что французы являются ещё большими варварами. Поэтому я осмеливаюсь ожидать как акта справедливости возврата состояния моих детей и свободу воспитывать их вдали от страны, где не могут жить ни они, ни их несчастная мать. -----Вдова Дюмонте».²²

Ее пребывание в Голландии было довольно коротким. При угрозе французского вторжения она написала императрице Екатерине II, которая была тронута рассказом о ее бедствиях и послала ей средства, необходимые для приезда в Санкт-Петербург.²³ М.Варийе и А.Одэн датируют это событие 1794 годом, однако, учитывая, что революционная Франция объявила войну Голландии 1 февраля 1793 года, и исходя из даты предыдущего документа, видим, что это должно было произойти в конце зимы

1793 года, поэтому Жанна-Аделаида могла появиться в Петербурге летом или осенью 1793 года. *«Она была принята в Петербурге наилучшим образом, и императрица доверила одному из своих статс-секретарей, генералу де Т.,²⁴ положить определенную сумму в имперский банк для каждой из ее дочерей».*²⁵

О первом времени ее жизни в Санкт-Петербурге «неизвестный друг» сообщал: *«Ее молодость и приятность ее лица и характера вызвали к ней большой интерес, но, еще опечаленная своим вдовством, она предпочитала одиночество и упорно отказывалась от всех приглашений ко двору и в элегантное общество столицы, желая полностью посвятить себя воспитанию своих детей. Екатерина, однако, опасалась, что её очарование и красота могут ввергнуть ее в одно из тех глупых приключений, в которое часто попадают молодые женщины, и решила, что та должна выйти замуж и окончательно обосноваться в России; а потому указала ей через своего секретаря на несколько богатых и титулованных господ. Но г-жа Гиллен отвергала все предложения и ограничила себя дружбой с графиней Г.,²⁶ которая жила в том же доме. Однако в окружении г-жи Г. был молодой офицер Бороздин (de Barasdin), который отличался качествами своего ума и обаянием; вскоре было замечено, что мадам де Гиллен не осталась равнодушна к знакам его почтения».*²⁷

Екатерина Вторая одобрила выбор молодой женщины, родители Бороздина не возражали против брака, хотя сомневались, достаточно ли средств будет у молодых, поэтому императрица согласилась обеспечить новую семью. Но в это самое время один из французских эмигрантов внушил мадам Гиллен, что ей придется пожертвовать своими детьми, и что французы, узнав, что она вышла замуж за русского, конфискуют ее имущество во Франции. Переворот 9 термидора (27 июля) 1794 года дал ей некоторую надежду, и она решила отложить свадьбу и сначала поехать на родину, чтобы опять попытаться добиться справедливости, а по возвращении в Россию вступить в брак с Бороздиным. Промедление со свадьбой вызвало недовольство императрицы.

М.Варийе сообщает, что следующей мыслью молодой женщины было - обратиться к королю Пруссии, Фридриху-Вильгельму II, который заключил союз с Французской

Республикой. (Представляется, что у М.Варийе здесь возникает некоторая путаница в датах: речь явно идет о конце лета-осени 1794 года, но Базельское соглашение было подписано только 5 апреля 1795 года). В то же время мадам дю Монте написала императрице, чтобы проститься с ней и объяснить мотивы своих поступков. Ее письмо не произвело впечатления на Екатерину, но тем не менее она послала Жанне-Аделаиде достаточную сумму на поездку и позволила использовать капитал, положенный в банк на имя детей.

По прибытии в Берлин, мадам дю Монте была очень хорошо принята королем, и через посла Французской Республики в Базеле, маркиза де Бартелеми, она опять обратилась к Конвенту и потребовала реституции. Ответа не последовало, Бороздин умолял ее скорее вернуться, поэтому, истратив свои малые средства, она отправилась обратно в Россию. По словам Варийе, *«Бороздин ждал ее на границе, и там состоялась их свадьба в присутствии нескольких друзей»*. Он датирует свадьбу 1796 годом, но из сравнения документов и дат исторических событий ясно, что описываемое происходило в 1794 году. Из послужного списка Бороздина видим, что как раз в это время он был отнюдь не в Петербурге, а в Польше: *«в 1794-м году [был] в Польше против взбунтовавшихся польских войск на разных сшибках и сражениях, а октября 24-го при взятии штурмом укреплений Прагских под командою генерал-фельдмаршала князя Суворова, за что награжден золотым знаком на георгиевской ленте для ношения в петлице»*.²⁸ 1 января 1795 года М.М.Бороздин получил чин полковника за отличие в боях.²⁹ Варийе не указывает, на какой именно границе состоялась встреча влюбленных и их свадьба, но, исходя из вышеизложенного, полагаем, что события произошли на границе Пруссии и Польши (которая после второго раздела Польши проходила примерно в 50 километрах к востоку от Варшавы), а посвящение «Трех сонат» Йозефа Вёльфля подтверждает, что молодые после свадьбы отправились в Варшаву, где в то время и находился молодой австрийский композитор.

Йозеф Вёльфль приехал в Польшу осенью 1791 года и на следующий год перебрался в столицу, где успешно давал уроки музыки, время от времени принимая участие в концертах. Захваченный политическими и военными событиями второго и третьего разделов Польши, он собирался покинуть Варшаву в 1794

году, но, по словам автора посмертного мемуара о нем, *«среди российской армии, завладевшей столицей, многие офицеры, которые, как известно, страстно любили музыку, искали компании Вёльфля, и их уважение заставило его задержаться еще на один год в Варшаве»*.³⁰ Посвящение «Trois Sonates pour le Forte Piano...» графине Бороздиной показывает, что среди этих офицеров был и М.М.Бороздин, уже женатый на графине. Таким образом, оно подтверждает более раннюю дату свадьбы Бороздиных - 1794 год³¹, и датирует сонаты концом 1794 - началом 1795 года, так как в середине 1795 года Вёльфль уехал в Вену и больше нигде и никогда не встречал Жанну-Аделаиду.³²

Далее, к сожалению, у М.Варийе продолжается путаница в датах. Он сообщает, что *«молодая женщина направилась в Санкт-Петербург к семье мужа; генерал де Barasdin умер, когда она была в Пруссии, и вся семья была в глубоком трауре, тем не менее, и она, и ее дети были встречены в ее новом доме с большой добротой /.../ После нескольких месяцев пребывания в Санкт-Петербурге со своей молодой женой, г-н Barasdin был назначен к полку в Сибири»*. Однако, назначение Михаила Михайловича Бороздина в Сибирский драгунский полк состоялось 6-го декабря 1795 года, а его отец, генерал Михаил Саввич Бороздин, умер 21 января 1796 года. Поэтому полагаем, что Жанна-Аделаида приехала в Петербург не в 1796 году, как говорит М.Варийе, а в середине 1795 года, то есть, еще до смерти ее свекра.

Согласно А.Одэну, накануне отъезда к Сибирскому драгунскому полку, Михаил Бороздин доверил Жанну-Аделаиду опеке своего старшего брата, Андрея Михайловича, и она провела несколько месяцев в его имении под Петербургом. Однако, имения Бороздиных находились не под Петербургом, а в Псковской губернии, поэтому, вероятно, она жила в имении Костыжицы (ныне Дновский район Псковской области). Вскоре Михаил вернулся и перевез ее в Петербург, к своей матери, Анастасии Андреевне Бороздиной, урожденной Крекшиной (1743–1802), которой в 1787-1797 годах принадлежал дом на углу Невского проспекта и Садовой улицы (ныне Невский, 52/Садовая,14). Там в 1796 году у Жанны-Аделаиды родился сын. Она надеялась, что появление ребенка вернет ей расположение императрицы, но этого не произошло, и сама Екатерина Вторая умерла 6 ноября 1796 года.

Жанна-Аделаида рискнула обратиться за протекцией к Павлу Первому, и в самом деле, 9 января 1797 года появился указ, в адресате которого узнаем Жанну-Аделаиду: *«полковнице Аделе Бороздиной всемилостивейше пожаловали МЫ в вечное и потомственное владение пятьсот душ»*.³³ Указ был подтвержден и дополнен 17 февраля: *«...в число которых назначаем к отдаче нижегородского наместничества, Семеновской округи, дворцовые: Бобровскую, Везломскую и Копытовскую слободы [нынешний г.Бор в окрестностях Нижнего Новгорода на Волге. – О.Я. (Б)], в коих по последней ревизии четыреста восемьдесят три, да Санкт-Петербургской губернии, Рожественского уезда и волости дворцовую деревню Вырицу, в коей по ревизии двадцать. А всего пятьсот три души мужеска пола, с принадлежащими по дачам к тем селениям землями и угодья»*.³⁴ Видим также, что позже и Жанна-Аделаида, и ее свекровь воспользовались услугами вспомогательного банка для дворянства, основанного указом Павла Первого в декабре 1797 года. Банк был задуман, чтобы помочь дворянству расплатиться с долгами, и должен был в течение 2 лет выдавать им ссуды. Банк объявлял список лиц, которые могут получить займы, и в марте 1799 года в этом списке были названы жена генерал-майора Аделаида Александровна Бороздина и супруга генерал-лейтенанта Настасья Андреевна Бороздина.³⁵

Согласно манускрипту, цитируемому М.Варийе и А.Одэном, зимой 1797-1798 года М.М. Бороздин находился в Москве. Желая присоединиться к нему, Жанна-Аделаида направилась туда, и в дороге у нее преждевременно родился еще один мальчик, что сильно подорвало ее здоровье. Очень скоро Бороздин был послан обратно в Петербург и оттуда - на отдаленную миссию. Жанна-Аделаида сопровождала его до Петербурга, но была срочно вызвана обратно в Москву, только для того, чтобы присутствовать при смерти своего старшего сына.

«Отдаленная миссия» М.М.Бороздина проясняется его послужным списком: *«Пожалован всемилостивейше в генерал-майоры с назначением шефом Херсонского гренадерского полка, а ноября 29-го 1797 года назначен того ж полка и полковым командиром; мая 3-го года 1799-го назначен командующим Отдельным корпусом на Днестровской линии; сентября 5-го 1799-го послан с двумя сводными гренадерскими батальонами в Архипелаг и Королевство Неаполитанское для командования охранною гвардией Его Королевского величества короля Неаполитанского. Сентября 25-го того ж 1799 года по прибытии в Цареград получил высочайшее повеление взять в*

*командование гарнизон на Ионических островах и вступить в должность коменданта острова Корфу. Пожалован генерал-лейтенантом - ноября 5-го года 1799-го. Командовал в Неаполе и Палермо гвардией короля Неаполитанского и сводными гренадерскими батальонами с морскою десантною командой с начала 1800 года по конец 1802-го».*³⁶

По словам М.Варийе, Жанна-Аделаида со старшими дочерьми и младшим сыном вернулась в Санкт-Петербург, где и «умерла от горя и тоски по мужу и по своей истинной родине. Это было в первые месяцы 1799 года, когда Суворов разбил французов в Италии». Дата ее смерти, май 1799 года, подтверждается русскими документами: в письме И.В.Страхова к графу А.Р.Воронцову от 15 июня 1799 года, рассказывающем о неожиданной отставке Ивана Борисовича Пестеля, находим детали: «...не так давно скончалась в Санкт-Петербурге француженка, которой прежде имя не упомяну, жена генерал-майора Бороздина; она сделала духовную и просила быть исполнителем оной Ивана Борисовича, с которою он и ездил в Павловское. 5-го числа сего месяца духовная конфирмована, и он принят был весьма милостиво, а на другой день, то есть 6-го июня, воспоследовал указ, что он отсылается в Герольдию для определения к другим делам».³⁷ Имя, забытое Страховым, однако, названо в письме Д.П.Бутурлина из Москвы А.Р.Воронцову, датированное тем же днем: «Наш добрый друг Пестель получил свою отставку 6-го числа сего месяца самым резким образом. Накануне вечером он побывал ещё у Его Величества, был очень хорошо принят, утвердил завещание бедняжки мадам Бороздиной (прежде графини дю Монтель [так! – О.Б. (Я)], которая назначила его опекуном своих детей от первого брака с её мужем Бороздиным, а на следующий день к полудню он получает указ, который его отсылает в герольдию впредь до определения...»³⁸ Несмотря на некоторую словесную путаницу, названные детали совершенно ясны. Видно, что Иван Борисович Пестель очень ответственно отнесся к своим обязанностям опекуна. В Нижегородском архиве, среди документов Борского правления, имеются его распоряжения, адресованные «вотчины покойной Госпожи Генерал-Майориши Адель Бороздиной крестьянину Афанасию Гоголеву». Документ от августа 1799 года называет имя ее младшего сына: Константин³⁹.

Невозможно судить об отношениях между супругами, так как нам очень мало известно о личных качествах М.М.Бороздина. Но некоторый свет на его характер в годы

молодости и первого супружества проливают Мемуары Адама Чарторижского, встречавшегося с Бороздиным в 1800-1801 годах в Неаполе: *«Русское войско, занимавшее тогда Неаполь, находилось под начальством генерала Бороздина. ... Генерал Бороздин был изящным вельможей Екатерины. Он был очень любезен в обществе, но у меня остались некоторые сомнения насчет его военных талантов. Живя в роскошнейшем климате, пользуясь материальными выгодами, доставляемыми правительством, более полагавшемся на русские войска, чем на свои собственные, Бороздин имел в своем распоряжении все то, чего может желать русский, а именно: представительство и удовольствия. Чтобы доверить его радости, судьба послала ему победу, которая была для него приятнее всего.*

*Простоватый английский консул, только что женившийся на молодой, прелестной особе,⁴⁰ счел своим долгом бежать из Неаполя, как только узнал о поражении австрийцев при Маренго и о победном шествии французов к Флоренции и Неаполю. Чтобы не подвергать свою молодую жену опасностям такого стремительного переезда, он не мог придумать ничего лучшего, как поручить ее заботам русского генерала, с которым близко сошелся. Этот честный англичанин был уверен, что отдал свое сокровище в самые верные руки. Но друг этот не мог победить сильнейшего из искушений и пал под его бременем, быть может, еще раньше, чем принял под свою охрану порученное ему сокровище. По правде сказать, это был поразительно красивый розовый бутон, и Бороздин, с разрешения мужа, для лучшего охранения своей молодой протееже, устроил ее в том же доме, где жил сам. Общение было легкое, соблазн был велик. Это злоупотребление доверием, хотя и расцвеченное красивым увлечением, все же остается пятном на его совести; мы видим здесь культ материального и пренебрежение к духовному, соединенное с попранием всякого чувства достоинства. Как только миновала паника, вызванная нашествием французов, консул возвратился, забрал жену и не знал, как благодарить друга за оказанную им услугу. Я его видел, - это был добродушного вида человек, отнюдь не блиставший умом. Вскоре после этого, когда я уезжал из Неаполя обратно в Рим, генерал сопровождал меня. Он был очень весел и больше не думал уже о жене консула, которую вскоре, вероятно, и совсем позабыл».*⁴¹

Вскоре после смерти Жанны-Аделаиды умер и ее младший сын, но еще в 1801 году старшие девочки находились под опекой приемного отца и жили в Петербурге, в доме Анны Васильевны Львовой, бывшей приживалки Анастасии Андреевны Бороздиной.

По словам князя И.М.Долгорукова, она была *«сирота, монастырка, жившая в доме генеральши Бороздиной под названием «Барышни». Она изрядно была воспитана, пользовалась некоторыми талантами, но слишком снисходительна и готова угождать всем домашним»*.⁴² Действительно, среди воспитанниц Смольного монастыря третьего выпуска (1782 год) числится Анна Васильевна Львова, дочь отставного поручика.⁴³ А.А.Бороздина писала сыну 1 июля 1801 года: *«Дети твои, слава Богу, здоровы и учутся изрядно, и я советую тебе писать об них к Анне Васильевне Львовой, чтоб она за ними смотрела...»*.⁴⁴ Полагаем, что девочек учили музыке: Павел Сербин, виолончелист и руководитель ансамбля «Пратум Интегрум» (Москва), указал на сочинение Франтишека Врбы (1754-с.1799) «Quatre Polonaises et deux walzes pour le clavecin ou forte-piano avec accompagnement d'une flute traverse oblique. Oeuvre 1» (St.Petersbourg chez Dittmar) с посвящением: «Composee et dediee a S.E. M-lle L.de Borozdine par Francois Vrba». В адресате сочинения с инициалом «L» узнаем Эме-Аделаиду, чье имя было в России переведено на русский язык – Любовь. Опус был напечатан без даты и датируется условно 1800-1808 годами.

Деревня Вырица, пожалованная их матери Павлом Первым как «довесок» к нижегородскому имению, оставалась во владении девочек до 1804 года, когда она была продана Николаем Бороздиным, а сами нижегородские земли - до сентября 1806 года, когда опекуны «девиц графинь Дюмонте» перевели крестьян Семеновского уезда Нижегородской губернии в разряд государственных.⁴⁵ Документы, ныне хранящиеся в Нижегородском архиве, подтверждают этот факт.

В 1836 году в «Revue Lionnais» появилась совершенно неожиданная информация о том, что в 1813 году (!) Жанна-Аделаида *«предприняла путешествие в Лион, чтобы продать оставшиеся земли и замок Полемьё, и немедленно после этого возвратилась в Россию. В эту эпоху старшая их ее дочерей вышла замуж в Париже за г-на Collard-Dutilleul, инспектора казны»*.⁴⁶ Сообщение о приезде Жанны-Аделаиды во Францию ошибочно, так как её смерть в 1799 году абсолютно бесспорна, да и путешествие молодой женщины с юными дочерьми из России во Францию в 1813 году, через всю Европу, охваченную войной, представляется невероятным. Французские генеалогические разыскания, однако, сообщают, что брак её старшей дочери Эме-Аделаиды с Antoine Louis Germain Collart Dutilleul (1776-1838) состоялся не в 1813, а в 1811 году.⁴⁷ Кроме того, имеются данные, которые подтверждают эту дату и добавляют некоторые детали: согласно послужному списку М.М.Бороздина, с декабря

1803 года по апрель 1812 года он был в отставке. Где он находился в эти годы, российские биографы не сообщают, но 'Journal des Debats' документирует присутствие М.М.Бороздина в Париже в начале сентября 1803 года, где он присутствовал на аудиенции, данной первым консулом.⁴⁸ Не исключаем и возможность встречи Бороздина в это время со своим прежним варшавским знакомым, композитором Йозефом Вёльфлем, который жил в Париже с 1801 года. Далее, в заметке В.С.Арсеньева читаем: «...Генерал Бороздин, во время поездки своей в Париж, после Тильзитского мира, в составе посольства Толстого, выдал одну из своих падчериц там замуж за Antoine Dutelleul, а с другой - к 1812 году вернулся в Россию...»⁴⁹ Действительно, его участие в посольстве П.А.Толстого в Париж в 1808 году подтверждается документами посольства: в январе-феврале 1808 года, в письмах к А.Б.Куракину и Н.П.Румянцеву П. Толстой упоминал о приезде в Париж генерала Бороздина, и его участия в аудиенции, данной Наполеоном.⁵⁰ Поэтому можно сделать вывод, что, находясь в отставке, М.М.Бороздин не раз побывал во Франции, и, возможно, провел там 1808-1811 годы. А.Одэн сообщает, что во время пребывания в Париже девочки встретились со своей бабушкой, матерью Жанны-Аделаиды. М.Бороздин мог навестить и Полемьё, а, может быть, даже познакомиться с деверем своей покойной жены, Антуаном Гилленом дю Монте де Пужлон, который, несмотря на свое прошлое роялиста и заговорщика, пережил эпоху террора и умер в своем замке только в 1817 году. Тогда же он мог встретиться и с его сыном, ставшим автором «Biographie de la Comtesse du Montet», документа, бывшего в распоряжении М.Варийе и А.Одэна. Документ содержит описание жизни Жанны-Аделаиды в эмиграции, цитирует несколько ее писем к Екатерине Второй, правильно указывает дату рождения М.М.Бороздина – 8 июля 1767 года, и называет и его, и его брата по имени и отчеству, что большая редкость для иностранных мемуаристов. Полагаем, что он мог быть написан только со слов М.М.Бороздина и должен датироваться не в 1799-1800 годами, как указал М.Варийе, а 1807-1811 - эпохой пребывания Бороздиных во Франции. Выдав замуж старшую падчерицу в 1811 году, М.М.Бороздин вернулся в Россию. Эме-Аделаида осталась в Париже. Современные генеалогические исследования показывают, что у нее было трое дочерей, и она сама умерла в Париже в 1873 году.⁵¹ Согласно В.С.Арсеньеву, младшая дочь, Agathe-Henriette-Claudine-Prudence, вернулась с приемным отцом из Парижа в Россию к 1812 году и «вышла замуж за генерал-лейтенанта графа Grotchouski (?), от какого брака до 1826 года у нее было двое детей».⁵² Нам неизвестен источник сведений В.С.Арсеньева о замужестве Агаты-

Генриетты, но неуверенно названное им звание, титул и имя ее мужа - генерал-лейтенант, граф Grotchouski, повторяется в названном ранее исследовании А.Порталье (1911) в форме «prince Groutcheski»,⁵³ а в брошюре М.Варийе (1923) – как «русский офицер по имени Groutschaski». А.Одэн называет его «польским офицером, генерал-лейтенантом графом Grotchouski».⁵⁴ Новейшие генеалогические исследования называют его Гроховским (Grochowski),⁵⁵ но он пока остается лицом неустановленным. Вся эта информация противоречит данным Б.Л.Модзалевского о том, что дочери графини были замужем *«одна за графом Эстергази, а другая – за бароном Эглофштейн»*.⁵⁶ Действительно, в 1846 году, в письме Анны Михайловны Раевской, дочери М.М.Бороздина от второго брака, была упомянута «графиня Эстергази в Вене», поэтому Б.Л.Модзалевский предположил, что речь шла о падчерице Бороздина, одной из дочерей графини «de Montau».⁵⁷ Подтверждений этим сведениям найти не удалось, и полагаем, что они ошибочны.

Трагической оказалась судьба молодой женщины, захваченной безжалостным вихрем исторических событий. В одно и то же время она кажется и уникальной, и типичной, и вызывает в памяти стихотворение К.Н.Батюшкова – его «Послание к Дашкову». Батюшкова потрясли трагедии, переживаемые русскими, и ужас пожара Москвы. Но его поэтические строки в равной степени можно соотнести и с человеческими драмами, которые в ту же самую эпоху разыгрывались на стороне противника, во Франции.

*Я видел сонмы богачей,
Бегущих в рубищах изданных,
Я видел бледных матерей,
Из милой родины изгнанных!
Я на распутье видел их,
Как, к персям чад прижав грудных,
Они в отчаяньи рыдали...*

Михаил Михайлович Бороздин оказался замечен российскими историками только как участник Отечественной войны 1812 года, один из героев Бородинского сражения. Молодость его осталась в тени, а его первая жена – забыта. Жанна-Аделаида исчезла с лица земли, оставшись в веке революций, террора, революционных войн – «столетью безумном и мудром». Она умерла молодой, вдали от родины, в чужой стране. Могила

её неизвестна. Нет сведений о ее детях, родившихся в России. О ней не писали Бороздины и Раевские в своих письмах. О ней никогда не упоминала Анна Михайловна Раевская, урожденная Бороздина, дочь М.М.Бороздина от второго брака, принадлежавшая к другому веку и другой эпохе. Правда... позволим себе высказать очень осторожное предположение: не была ли Адель Давыдова (1810-1882), адресат прелестного стихотворения А.С.Пушкина «Играй, Адель, не знай печали...», названа в память о своей двоюродной тетке, молодой французской графине, промелькнувшей, как тень, в истории семьи Раевских-Давыдовых-Бороздиных? Но единственным реальным и бесспорным воспоминанием о графине Бороздиной, вдове Гиллен дю Монте, стала музыка – «Trois Sonates pour le Forte Piano, composées et dédiées a Madame la Comtesse de Borosdin» молодого австрийского композитора Йозефа Вёльфля, которого она однажды случайно встретила на своем пути.

¹ П.М.Раевский. Архив Раевских. Под ред. Б.Л.Модзалевского. Т.2. СПб, 1909. с.369.

² Revue du Lyonnaise. Vol.III. Lyon, 1836; J.-B.Monfalcon. Histoire de la ville de Lyon. Т.2. Lyon, 1851; L-A. Botton. Le dernier seigneur de Polymieux. Lyon, 1853; Biographie universelle ancienne et moderne : histoire par ordre alphabétique de la vie publique et privée de tous les hommes.Т.XVIII. Paris, 1857; A. Metzger. Revue Francaise: Lyon in 1791[без даты]; Antonin Portallier. Tableau général des victimes & martyrs de la Révolution, en Lyonnais, Forez et Beaujolais: spécialement sous le régime de la Terreur, 1793-1794. 1911; Mémoires de l'Académie des sciences, belles-lettres et arts de Lyon. Lyon, 1914; .A.Champdor. Au fil des ages autour de Lyon. Lyon. 1975; A. Audin. La Conspiration lyonnaise de 1790 et le drame de Poleymieux. Lyon, 1984; и т.д.

³ Летописи московского историко-родословного общества. 1908, Вып. 3, с.27.

⁴http://www.culture.gouv.fr/public/mistral/leonore_fr

⁵ Об Арсеньеве В. С. — в ПКК. http://pkk.memo.ru/letters_pdf/000502.pdf

⁶ Нам не удалось обнаружить этот труд. Неясно, какое отношение французские морские инженеры-конструкторы Gustave Zédé (1825 - 1891) и Stanislas-Charles-Henri-Laurent Dupuy de Lôme (1816-1885) имеют к истории Жанны-Аделаиды дю Монте.

⁷ Летописи московского историко-родословного общества. 1908, Вып. 3, с.27.

⁸ Revue du Lyonnaise. Vol.III. Lyon, 1836. P.493.

⁹ Antonin Portallier. Tableau général des victimes & martyrs de la Révolution, en Lyonnais, Forez et Beaujolais: spécialement sous le régime de la Terreur, 1793-1794. 1911. P.218-219.

¹⁰ Nicholas Yemeniz (1783-1871/7), уроженец Константинополя, консул Турции в Лионе, владелец шелковой мануфактуры в Лионе, кавалер ордена Почетного Легиона. Известный библиофил, член французского Общества библиофилов и французского Археологического общества. Его огромная книжная коллекция была продана на аукционе в Париже в мае 1867 года.

¹¹ Mathieu Varille. P.3.

¹² Amable Audin. La conspiration lyonnaise de 1790 et le drame de Poleymeux. Lyon, 1984. P.142.

¹³ М.Варийе дает дату – 1771 год. Но год рождения 1767 подтверждается архивной записью о крещении. http://www.myheritage.com/names/adelaide_fradet

¹⁴ В архивах департамента Роны зарегистрировано крещение троих дочерей. См.: George Guigue. Département du Rhône - inventaire sommaire des archives départementales antérieures à 1790 - série E, sup. tome II. 1906. P.96. М.Варийе и большинство других авторов упоминают только двоих детей. Рукописная биография графини дю Монте, которой пользовались М.Варийе и А.Одэн (см.ниже), устанавливает, что старшая девочка умерла в младенчестве, до описываемых событий.

¹⁵ Metzger A. Lyon en 1791. Lyon [n.d.]. P.54; P.Viola. The Rites of Cannibalism and the French Revolution.// <http://www.library.vanderbilt.edu/Quaderno/Quaderno3/Q3.C10.Viola.pdf>; etc.

¹⁶ The Annual Register, or a View of the History, Politicks and Literature for the Year 1792. Part 1. History of Europe. London, 1798. P.181-182.

¹⁷ A. Metzger. Revue Francaise: Lyon in 1791. P.69.

¹⁸ Gazeta Warszawska, No68, 1791, 24 сентября.

¹⁹ Mathieu Varille, p.3.

²⁰ Brunet. Лицо неустановленное.

²¹ L-A. Botton. Le dernier seigneur de Polymieux. Lyon, 1853. P.108-109. Письмо опубликовано с купюрами. К сожалению, нам неизвестно, существует ли оригинал.

²² Correspondance inedite de Camille Desmoulins. Paris, 1836. P.163-165)

²³ Mathieu Varille, p.3.

²⁴ Петр Иванович Турчанинов (1746 - после 1823), генерал-поручик, в 1791-1793 годах кабинет-секретарь Екатерины II.

²⁵ Ibid., p.4.

²⁶ Лицо неустановленное.

²⁷ Ibid., p.4.

²⁸ Горшман А.М. Командующий корпусом Михаил Бороздин. //Московский журнал, № 9 (225), сентябрь 2009 г. <http://www.mosjour.ru/index.php?id=403>

²⁹ Это было не первое появление М.М.Бороздина в Польше. Участник второй русско-турецкой войны 1787-1791 годов и сражения под Мачином 28 июня 1791 года,²⁹ именно М.М.Бороздин, тогда еще подполковник, был направлен курьером в Варшаву с сообщением о заключении Ясского мира, что видно из заметки в «Warszawska gazeta» от 18 января 1792 года: «15 сего месяца прибыл сюда из Ясс курьером пан подполковник де Бороздин с сообщением, что подписан мир между Россией и Оттоманской Портой».

³⁰ R.Ackerman, F.Shoberl. The Repository...P.85-91.

³¹ Дата свадьбы Жанны-Аделаиды указана в: П.М.Раевский. Архив Раевских. Под ред. Б.Л.Модзалевского. Т.2. СПб, 1909. с.369. Дата свадьбы и место смерти - A.Champdor. Au fil des ages autour de Lyon. Lyon. 1975. P.63.

³² Опубликованы брюссельским издательством Weissenbruch. Без даты, номер печатной доски – 5. Нотное издательство Шарля Огюста Гийома де Вайзенбруха (1744-1826) было основано в 1795 году, и номер печатной доски «5» говорит о том, что сонаты Вёльфля были среди самых первых его изданий, что подтверждает нашу датировку. Впрочем, ей противоречит тот факт, что объявление о продаже нот появилось только в мае 1804 года (L'esprit des journaux, francais et etrangers. Bruxelles: Weissenbruch. May 1804.c.302). Но данное исследование не ставит своей задачей рассмотрение истории публикации музыкального произведения.

³³ Документы Сенатского Архива. Т. I. Именные Указы Императора Павла I. СПб, 1888 г. <http://pics.qip.ru/0028yb-102IKJk>

³⁴ Там же.

³⁵ «Санкт-Петербургские ведомости», 1799, №20 (Прибавления). За справку благодарю А.Ф.Лифшица, заведующего отделом редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ.

³⁶ Горшман А.М. Командующий корпусом Михаил Бороздин.

³⁷ П.Бартенев. Архив князя Воронцова. Кн.14. М.,1879. с.500. Письмо проливает некоторый свет на круг общения Жанны-Аделаиды в Петербурге и ее близость к семье Пестелей. Можно предположить, что Жанну-Аделаиду знал и Людвиг-Вильгельм Тепшер де Фергюсон (1768-1838), сын разорившегося польского банкира, который приехал в Россию в 1797 году и стал известен как придворный капельмейстер, композитор, а позже - как учитель музыки в Императорском Царскосельском Лицее. Он был приятелем Йозефа Вёльфля в Варшаве и Вене, а в Петербурге посвятил свои сочинения жене Анне-Елизавете Пестель, урожденной фон Крок, и ее сестре Софии.

³⁸ П.Бартенев. Архив князя Воронцова. Кн.32. М., 1886. С. 251. «Notre bon ami Pestel a eu le 6 de ces mois son congé de la façon du monde la plus sèche. La veille au soir il avait encore été chez Sa Majesté, en a fort bien été reçu, a fait confirmer le testament de la pauvre m-me Barasdine (jadis comtesse du Montel [sic!]), qui l'avait fait tuteur de ses enfants du premier lit avec son mari Barasdine, et le lendemain vers le midi il reçoit un ukase qui le renvoie *герольдию впредь до определения*, et sa place donnée au comte Golovin Nicholas Nicolaitch, qui en même tems est fait sénateur ou 1-er département».

³⁹ За предоставление текста документов благодарю Борского краеведа Людмилу Моисеевну Добролюбову.

⁴⁰ Чарльз Лок (Charles Lock, 1770 – 1804) был назначен британским генеральным консулом в Неаполе 6 ноября 1798 года. Был женат на Сесили Маргарет Огильви (Cecilia Margaret Ogilvie, 1775 – 1824).

⁴¹ Мемуары Адама Чарторижского. <http://dugward.ru/library/chartorigsky.html>

⁴² Долгоруков И.М. Капище моего сердца. М., 1874. С.177. Цит. по: П.М. Раевский. Архив Раевских. Под ред. Б.Л. Модзалевского. Т.2. СПб, 1909. с.598.

43

https://ru.wikipedia.org/wiki/Список_воспитанниц_Смольного_Института_благородных_девиц

⁴⁴ П.М. Раевский. Архив Раевских. Под ред. Б.Л. Модзалевского. Т.2. СПб, 1909. с.598.

⁴⁵ Вешняков В. Крестьяне-собственники в России. Историко-статистический очерк. 1858 г. С.82.

⁴⁶ Revue du Lyonnais. Vol. III. Lyon, 1836. P.493 (дата приезда – 1813 г. Младшая дочь осталась в девицах); L-A. Botton. Le dernier seigneur de Polymieux. Lyon, 1853. P.110 (дата приезда – после 1811 г.) A. Portallier. Tableau général des victimes & martyrs de la Révolution, en Lyonnais, Forez et Beaujolais : spécialement sous le régime de la Terreur, 1793-1794. 1911. С.218-219.

⁴⁷ [http://www.myheritage.com/research/collection-40001/familysearch-family-tree?s;](http://www.myheritage.com/research/collection-40001/familysearch-family-tree?s;http://gw.geneanet.org/garric?lang=fr;p=aimee+adelaide;n=guillin+du+montee;http://genealogiemonnier.blogspot.co.uk/2011/09/sosa-024-collart-du-tilleul-etienne.html)
<http://gw.geneanet.org/garric?lang=fr;p=aimee+adelaide;n=guillin+du+montee;>
<http://genealogiemonnier.blogspot.co.uk/2011/09/sosa-024-collart-du-tilleul-etienne.html>

⁴⁸ Journal des Debats, 7 sept. 1803 г.

⁴⁹ В.С. Арсеньев. //Летописи московского историко-родословного общества. 1908, Вып. 3, с.27.

⁵⁰ Шильдер Н.К. Посольство графа П.А. Толстого в Париже в 1807 и 1808 гг. //Сборник Императорского русского исторического общества. Т.89. СПб. 1893 г. Сс.412, 428, 750.

⁵¹ [http://www.myheritage.com/research/collection-40001/familysearch-family-tree?s;](http://www.myheritage.com/research/collection-40001/familysearch-family-tree?s;http://gw.geneanet.org/garric?lang=fr;p=aimee+adelaide;n=guillin+du+montee;http://genealogiemonnier.blogspot.co.uk/2011/09/sosa-024-collart-du-tilleul-etienne.html)
<http://gw.geneanet.org/garric?lang=fr;p=aimee+adelaide;n=guillin+du+montee;>
<http://genealogiemonnier.blogspot.co.uk/2011/09/sosa-024-collart-du-tilleul-etienne.html>

⁵² В.С.Арсеньев.// Летописи московского историко-родословного общества. 1908, Вып. 3, с.27.

⁵³ A.Portallier.Tableau general... P.220.

⁵⁴ A. Audin. La Conspiration lyonnaise de 1790 et le drame de Poleymieux. Lyon, 1984. P.140.

⁵⁵ <http://viel.pagesperso-orange.fr/dat107.htm#2;>

⁵⁶ П.М.Раевский. Архив Раевских. Под ред. Б.Л.Модзалевского. Т.2. СПб, 1909. с.369.

⁵⁷ Архив Раевских. Том 4. С.251.